

А стоит тот град подле острова на камени, около ево вода морская. А одал ево морем ведена ограда и башни камены. А меж их к городу ворота, а в воротех ведена воротом чепь; коли пропускают от города и к городу карабли, тогда чепь опускают в море. || А взятъем того града взяти не умети некоторыми делы. На острове поймал Турской многие города. А под тем градом Иустинияном стояли турки дватцат один год, а взяти ево некоторыми делы не умели. И хотели ево взяти оманом; написав грамоту, на стреле кинули в город. А в грамоте пишет: «Не хотим у вас ничего, пустите нас во град немногих посмотрит церковные красоты. И мы от града и проч поидем». И оне изготова людеи и набаты, к туркам писали: «Теперь у нас в городе людеи мало, на выласках побиты, а иные з голоду и с осадного сидения померли; будет захотите церковные красоты || посмотрит, и вы нам дайте слово, что вам нас не побити, посмотрев церкви, от града отоити». И турской воевода дав слово вшед во град, не лазя во храм, в двери смотрив в соборную церковь пречистые богородицы честнаго и славнаго ея одегитрея, учили похвалятися: «Колко лет стояли под градом, кровь лили, а ныне без крови град наш». Граждане же повеле по набатом ударити. И турок всех побили, а воеводу жива взяли и повеле ево повести х казни. И говорит: «И хош видети смерти, крестися. И мы тебя пошадим». И воевода креститися не захотел. И с нево сняв кожу, набили насекши мелкие соломы || и послали к турецкому царю в поминках. Царь же разгневався отписал к ним грамоту: своих гостей и товаров к ним, а их гостей и товаров к себе пускати не велит. И оне к нему отписали: «Своих гостей и товаров к нам, а наших гостей и товаров к себе пускати не велиши, и мы велим реку». || Близ же того града монастырь имянуецца Успенской, а в нем в церкви образ пречистые богородицы с превечным младенцем на престоле, а младенец против грудей ее, благословляет обеими руками, писма Луки евангелиста; коли архиепископ и люди захотят молитися от нахождения иноплемменных или просити дождя или ведра и как поидут по тот образ поднят ево на собор и как отворят церковь, а тот пречистые образ вышедши сии ота стоит у двери на воздухе, а на всем лице ея государыни пот; по тому познавают благодарная. Иереи тот образ приняв понесут на собор, а как церковь отворят, а образ стоит в ките, и его уже поднят не могут, || а в ту пору от образа от очей слезы, и по тому познавают скорбная.

На том же острову монастырь слове крест, а в нем креста Христова подножие, царь Иустиниян оба конца обложил серебром. И римской папа прислал в монастырь гостей со многим богатством и питьем многим, а велел игумна и братью и мирян дарити и кормити и поити и вклад в монастырь дати, а примечати, как бы то древо украсти или выкупити. И во многое время живучи в монастыре, те гости приметили || у церкви вверху окошко просто. И игумна и братью и мирян напоив, ночью приставя к тому верхнему окну лестницы, из церкви то древо взяв и за монастырь унесли и в те поры стала буря сильная. И на остров пришли волны великие, карабли тех гостей неведомо где дели. И гости стали безвесно, и древа того не стало. А на остров насыпало песком великой вал, и про то древо не было ведомо сорок лет. И некоему старцу во сне бысть глас, велите взяти древо подножие креста Христова, на острову том рек место. И старец сказал про то отцу своему духовному, и отец ево духовной не поверил. И тому отцу || духовному глас той же изрече, и он сказал того острова архиепископу. И архиепископ им не поверил. И архиепископу невидимо глас той же изрече и место нарече, архиепископ же со всем освященным собором взяв кресты, пошли на то объявленное место. И повеле на том насыпном валу копати. И обрете аки китец, а в нем лежит то животворящее